

Религиоведение. 2022. № 3. С. 77–84.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 3. P. 77–84.

DOI: 10.22250/20728662_2022_3_77

Антропология / Anthropology
религии
of Religion

Березницкий С.В.

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3
svberez-nitsky@yandex.ru

Магия и табу в алиментарной культуре тунгусо-маньчжуров и палео-азиатов Дальнего Востока

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязи сакральных компонентов, магических функций алиментарной культуры тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов Дальнего Востока с механизмом антропологической и этнокультурной идентичности. В соответствии с традиционной пищевой моделью коренные народы дальневосточного региона полностью обеспечивали себя продуктами животного и растительного происхождения, которые они добывали охотой, рыболовством, морским зверобойным промыслом, собирательством даров природы в тайге, тундре, на морском побережье. В результате межэтнических контактов, обмена и торговли в их алиментарный институт стали постепенно, но неизбежно проникать отдельные виды пищи и приправ: мучные и молочные изделия, сахар, соль, перец, горчица и т.п. В комплексе верований и ритуалов до настоящего времени сохранилось много сюжетов, связанных с пищевыми табу, с магическими воздействиями на человека после употребления некоторых видов еды. Пищевые запреты классифицируются в зависимости от возраста человека, пола, его социального положения в обществе, соблюдаются во всех сферах жизни, в обрядах жизненного цикла, в комплексе праздников и в шаманстве, в системе народной педагогики и этнической идентичности. Новизна исследования основывается на авторской концепции, по которой нарушение запретов в сфере традиционной и современной пищевой модели, магические свойства некоторых видов еды, связываются с потенциальной возможностью деструктивной трансформации не только этнического, но и в целом – человеческого облика. Употребление некоторых видов европейских продуктов, особенно углеводов, считается причиной запуска необратимых процессов в организме, приводящих к появлению инокультурных и даже европеоидных антропологических и физиологических характеристик. Человек, похищенный мифическими таежными великанами и отведавший их еды, теряет человеческую внешность и превращается в подобное же существо. Традиционная пища выступает в качестве важного ресурса, сохраняющего этническую идентичность и социокультурную стабильность, в качестве механизма адаптации к взаимодействиям, обеспечивающего необходимый баланс «материальности» и «духовности» алиментарной сферы.

Ключевые слова: Дальний Восток, тунгусо-маньчжуры, палеоазиаты, алиментарная культура, запреты, магия, этнокультурная идентичность

Sergey V. Bereznitsky

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
3 Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
svbereznitsky@yandex.ru

Magic and Taboo in the Alimentary Culture of the Tungus-Manchu and Paleo-Asian Peoples of the Far East

Abstract. The aim of the study is to reveal the relationship between sacral components and magical functions of the alimentary culture of the Tungus-Manchu and Paleo-Asian peoples of the Far East and the mechanism of anthropological and ethnocultural identity. In the traditional food model, the indigenous peoples of the Far Eastern region fully provided themselves with products of animal and plant origin, which were obtained by hunting, fishing, sea trapping, and gathering in the taiga, tundra, and sea coast. As a result of ethnic contacts, exchange and trade, certain types of food and spices began to gradually but inevitably penetrate into their alimentary institution: flour and dairy products, sugar, salt, pepper, mustard, etc. In a complex of beliefs and rituals till the present time there are many plots connected with food taboos, with magic influences after the use of some kinds of food. Food taboos are classified according to a person's age, gender, social status in society, observed in all spheres of life, in life cycle rituals, in a complex of holidays and shamanism, in the system of folk pedagogy and ethnic identity. The novelty of the research is based on the author's concept, according to

which the violation of prohibitions in the sphere of traditional and modern food model, the magical properties of certain types of food, are associated with the potential possibility of destructive transformation not only of ethnic, but, in general, of the human image. The consumption of certain kinds of European foods, especially carbohydrates, is considered the beginning of irreversible processes in the body, leading to the appearance of European ethnocultural and even physiological characteristics. A man abducted by mythical taiga giants and tasted their food loses his human appearance and transforms into a similar creature. Traditional food is an important resource that preserves ethnic identity and socio-cultural stability, a mechanism of adaptation to borrowing, providing the necessary balance of «materiality» and «spirituality» of the alimentary sphere.

Key words: Far East, Tungus-Manchu peoples, Paleo-Asian peoples, alimentary sphere, prohibitions, magic

Введение

Алиментарная сфера, являясь базовым структурным компонентом этнической культуры, и даже конкретной цивилизации, связана не только с хозяйственно-культурным типом, с этническими контактами и коммуникациями, культурными диффузиями, системой жизнеобеспечения, промыслами и транспортом, но и с мифологией, с этнической картиной мира, с комплексом верований и ритуалов, с традицией распределения социальных ролей, с культурными кодами и архетипическими символами, с этнокультурной идентификацией и компонентами самосознания. Поедающий непривычную, инокультурную, чужую пищу осмысливается как представитель сакрального, другого, чужого, враждебного, а нередко монструозного мира; он становится обладателем иной телесности [Барт, 2003, 368; Романова и др., 2013, 8; Топчиев, 2015, 318; Селезнева, 2017, 393–397; Фаис-Леутская, 2019, 5–6; Березницкий, 2020, 541–548; 2021, 104–114]. Набор основных продуктов и специй, способы обработки и рецепты блюд, пищевой этикет и запреты складываются в систему питания этноса, в которую входят локальные пищевые модели [Арутюнов, 2001, 12].

Любая деятельность человека в обществе предполагает ситуативное осмысление им культурных символов, знаков и кодов. Герменевтика помогает исследовать не только символическую коммуникацию, но, в целом, понимание человеческой жизни и существования человека как такового [Корсунский, 2019, 41]. Для поиска скрытых смыслов пищевых запретов, магических воззрений, символической коммуникации человека со сверхъестественными существами, мифологическими предками в сфере алиментарной культуры коренных народов дальневосточного региона, используется метод антропологической герменевтики. При этом делается акцент на рассмотрении модуса встречи человека с трансцендентальным миром в соответствии с концепцией религиозной герменевтики австрийского индолога и философа религии Герхарда Оберхаммера [Оберхаммер, 2021, 84–106; Пеху, 2012, 97–98]. Оберхаммер, прежде всего, подчёркивает, что именно индивид, сталкиваясь с трансцендентальным миром, не только волен принимать решения, но и несёт полную ответственность за их последствия. Этими качествами человек отличается от неодухотворённых вещей и от контакта со сверхъестественным приобретает определённый мировоззренческий опыт. Сущность этого опыта Оберхаммер предлагает анализировать с помощью его трансцендентальной герменевтики религии как человеческое стремление к пониманию самоосуществления, а не просто мистических переживаний. Этот опыт должен быть использован человеком для сохранения собственного бытия (культурного, антропологического или этнического).

Не менее важным методологическим подходом является использование позиции «свой» – «чужой», которая насчитывает многовековую историю и считается культурной универсалией, мощным концептом понимания бинарности мира, особенностей коллективного, этнического мировосприятия. Чуждость символизировалась фактом принадлежности к другой социальной, этнической, нечеловеческой, звериной, магической группе [Трубецкой, 1960, 82–85 и др.; 2000, 72–74; Иванов, Топоров, 1965, 63–65; Леви-Стросс, 1999, 11, 17, 27, 34 и др.; Лотман, 2002, 73; Фельде, 2015, 3].

Запреты на инокультурную пищу

Современные чукчи рассказывали о том, что в тундре, в оленьем стаде, в конце 1990-х гг. ещё строго соблюдались пищевые запреты. Бабушки старались убе-

речь своих внуков от употребления «русской» еды: сладкого сгущённого молока, варенья, сахара, конфет и т.п. Опытные оленеводы были убеждены в том, что от сладких продуктов тело человека становится рыхлым, у него тяжелеют ноги, портится кровь, мужчины теряют способность догонять оленя или долго бежать со стадом. От чрезмерного употребления сладостей чукчи постепенно превращаются в русских [Архив МАЭ РАН. Ф. К I. Оп. 2. Д. 2314. Л. 247, 257]. В прежние времена вплоть до наступления 45-летнего возраста мужчинам запрещалось курить, есть конфеты и пить чай. Вместо чая они пили мясной бульон, который хорошо утоляет жажду и стабилизирует энергетический баланс организма.

Запреты в сфере дикоросов и огородничества

Использование в пищу дикоросов в традиционной и современной алиментарной культуре коренных народов региона наполнено верованиями и запретами. В частности, грибы не употреблялись в пищу дальневосточными эвенками примерно до середины XX в. так как считались продуктом, предназначенным исключительно для оленей. Сначала старики учили молодёжь оставлять грибы оленям, животным, составляющим рациональную и мировоззренческую основу традиционной системы жизнеобеспечения этноса. Затем этот запрет частично переместился в смеховую сферу, когда оленеводы шутили по поводу людей, использующих грибы в пищу, и сравнивали их с оленями.

У ряда народов мира земляные грибы ассоциировались с гениталиями злых духов, высывающих их из-под земли [Березкин, F 15]. Подобные представления и пищевые запреты зафиксированы у лиманских и сахалинских нивхов, которые до недавнего времени отказывались от употребления земляных грибов, считая их половыми органами злых духов, живущих под землёй и развлекающихся таким экзотическим способом.

Оживотворение земли, её антропоморфизация и население огромным количеством духов-хозяев служили у коренных народов амуро-сахалинского региона кардинальной ментальной преградой для генезиса огородничества. Запрет основывался на нежелании нанести вред земле как живому существу, духу-хозяину земли и конкретной местности острыми сельскохозяйственными орудиями, а также сакральным характером золы из очагов, которую славяне-переселенцы использовали в качестве удобрения на своих огородах. Однако постепенно наиболее близко расселённые к границам Маньчжурии народы стали заниматься обработкой земли и выращиванием на ней табака, овощей и опиума.

Магия пищевых запретов в медвежьем культе и состязаниях на медвежьем празднике

Комплекс запретов в пищевых технологиях строго соблюдался при совершении ритуалов восстановления добрых отношений человеческого социума с медвежьим родом в случае ранения медведем человека. Инцидент расценивался как месть сверхъестественных предков людям за нарушение родовых законов и обычаев. Людям и медведям необходимо было помириться, для чего пострадавшему человеку меняли имя, отселяли отдельно от родового коллектива. В целом, его социальный статус изменялся, и он становился табуированным членом общества [Березницкий, 2018, 226–235]. В течение всего периода заживления ран пожилые женщины периодически играли на музыкальном бревне. В доме пострадавшего категорически запрещалось жарить продукты, ибо считалось, что запах горящего масла вызывал крайнее недовольство священных животных. Некоторые запреты, например, на употребление в пищу краснопёрки, были связаны с опасностью потерять фарт в рыбной ловле, так как хозяин речных рыб в знак солидарности с хозяином медведей перестанет посылать её в угоды провинившегося рода людей.

Медвежий праздник коренных народов Амура и Сахалина описан и проанализирован в огромном количестве трудов. Обильная трапеза при проведении медвежьего праздника включает в себя алиментарные и ментальные компоненты: порядок, способ употребления разнообразных блюд и кушаний, приоритетное использование инокультурных ингредиентов праздничных блюд, в первую очередь из культурных злаков, ритуализация трапезы, магия еды, локализация едоков, связь состава участников пищевого состязания со структурой социальной организации,

мифологией, тотемизмом, культом предков, этнокультурные параллели с потлачем североамериканских индейцев.

Чрезвычайно обильное, неумеренное пиршество амурских народов при совершении медвежьего праздника подразумевало императивный магический механизм обеспечения дальнейшего изобилия продуктов. Чем больше люди съедят сейчас, тем больший запас у них появится в будущем. В праздничную трапезу в обязательном, первоочередном порядке входили блюда из злаков (пшено, рис и др.), покупаемые за драгоценную пушнину в Маньчжурии и тщательно накапливаемые в преддверие пиршества. Их себестоимость была очень высокой. Люди не только ели сами, но имитировали угощение до сыта своего сверхъестественного прародителя медведя, всего мифического медвежьего рода.

Символическими посредниками выступали участники пищевого состязания, которое на Амуре именовалось термином «нгарка», то есть «объедаловка». Запредельное, иррациональное поглощение (уничтожение) продуктов сходно в своей сущности с потлачем североамериканских индейцев. Об этом сходстве свидетельствует межродовой характер этих праздников, механизм предварительного накопления богатств и даров, последующий пир и раздаривание, укрепление социальных связей, хороших отношений с миром сверхъестественных предков [Золотарев, 1939, 108, 111, 116–125; Васильев, 1946; 1948, 78–104; Галечко, 2020, 102–110; Архив ИИ-АЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. Л. 4–100]. Демонстрация как можно большего объёма пищевых продуктов, медвежьего мяса и жира, угощения ими участников церемониала подчёркивала магическую основу соревнования поглощения пищи участниками ритуального пиршества, которые олицетворяли собой представителей разных миров – водного и таёжного. Представления об этих мирах связаны с культом сверхъестественных прародителей, с предками, с «водяными» и «таёжными» людьми.

Магическая еда таёжных великанов

В соответствии с верованиями всех коренных народов амуро-сахалинского региона, в горной тайге, в сопках и скалах, в лесной местности обитают трёх-, а то и пятиметровые великаны. Они покрыты бурой или рыжей шерстью, измазанной смолой хвойных деревьев, либо носят одежду из бересты, шкур животных или ткани. Пища великанов разнообразна, они могут питаться мясом таёжных животных, рыбой, корой деревьев и смолой. Именно смола является специфическим медиатором при коммуникации великана с людьми. Великан может принести людям пользу и вред. Польза заключается в получении с помощью этого существа пожизненной охотничьей удачи. С другой стороны, великаны мужского и женского пола любят похищать людей и превращать их в себя подобных. Для этого они одевают пленников в шкуры животных и стараются накормить смолой хвойных деревьев, от которой язык прилипает к небу и человек перестаёт разговаривать, теряет дар речи, производя лишь непонятные звуки. Привыкая к этой чужой пище, человек постепенно превращается в великана. Но если найти в себе силы, перетерпеть голод и отказаться от угощения, то великан отпускает такого человека домой, не причинив никакого вреда.

Жертвоприношение свиньи и культ плодородия

Коренные народы амуро-сахалинского региона не занимались разведением домашнего скота (коров, овец, свиней) в традиционной культуре. Лишь отдельные группы нанайцев, удэгейцев заимствовали у маньчжуров породу «скороспелых» чёрных свиней. Их не только употребляли в пищу при праздновании Нового года по лунному календарю, но и приносили в жертву при проведении семейных, лечебных, умиротворяющих и шаманских ритуалов. Последний год в нанайской системе исчисления времени по календарю животного цикла назывался в честь кабана [Подмаскин, 2006, 165–166]. Со второй половины XIX в. амурские этносы стали приобретать жертвенных свиней у славянских переселенцев. Приморские тазы, возникшие в результате межэтнических браков китайцев с местными амурскими народами, сохранили многие черты китайской культуры, хозяйства, верований. В их обществе домашний скот и птица играли большую роль [Подмаскин, 2017, 138–156]. По данным археологии, племена мохэсцев, бохайцев и когурёсцев, с которыми амурские

этносы могли быть связаны генетически, повседневно употребляли свинину в пищу [Семиниченко, Болдин, 1981, 66–70]. Свинья в их обществах считалась символом плодородия и жертвенным животным.

Хронотопические аспекты магических запретов в системе питания

Многие живущие в настоящее время в городах чукчи соблюдают традиционные запреты, связанные с пищевой сферой. Например, в каждой семье оленеводов большим почётом пользовался большой камень-охранитель жилища, который всегда забирали с собой при переколёвках. Им придавливали полог яранги, на нём же дробили олени кости для вынимания вкусного мозга. Этот камень символизировал собой пищевое изобилие, хронотоп праздника. Осколки раздробленных костей не выбрасывали, из них вываривали оставшийся мозг, жир и изготавливали своеобразный паштет. Оставшиеся от выварки кости также не выбрасывали, а сжигали. После приготовления различных блюд из купленной в магазине оленины кости выбрасывают, так как в городе нет возможности для их сжигания. Однако выбрасывают только утром или днём до полудня. Считается, что в послеобеденное время приходят злые духи, чтобы вредить людям и наказывать не соблюдающих обычаи. Если выбросить в мусорный контейнер кости, то это магическим образом негативно отразится на здоровье человека: выбрасывание костей ног животного, лопаток, рёбер приведёт к возникновению заболеваний соответствующих частей скелета человека [Архив МАЭ РАН. Ф. К I. Оп. 2. Д. 2314. Л. 248]. По подобной причине во второй половине дня и вечером нельзя было шить. Ибо звук сухожильной нитки, продеваемой сквозь шкуру, привлекал злых духов, как и вывешенное на просушку постиранное бельё.

Делегируемая магия этнической пищи

Найхинская нанайка Г.Н. Оненко (1934 г.р.), рассказала интересный случай из фронтовой жизни её отца Бельды Чокчо Николаевича 1912 г.р. [ПМА, 2021]. В её семейном архиве сохранились уникальные письма, которые отец присылал с фронта. Сюжет об этих письмах кратко описан в художественном произведении «Найхинцы» [Ходжер, 1985, 12–14]. Письма были написаны на обычных тетрадных листах, почтовых открытках. Но были и необычные послания, написанные на голубых и красных этикетках от рыбных консервов, в частности, «Камчатский лосось в собственном соку». После краткого описания фронтовых будней отец, глядя на изображение рыбы и обращаясь к ней как посланнику, просил кету отвезти его письмо к дочери, к семье, родственникам на далёкую родину, на Амур. По словам Галины Николаевны, отец обязательно делал приписку для родственников: «побольше кушайте за меня кеты. Я здесь очень хочу кеты». Таким образом, бумага для обычных писем у фронтовика была, но нехватка привычной этнической пищи заставляла его прибегать к этому специфическому, магическому приёму: ментально насытиться рыбой через употребление её сородичами в Найхине.

Заключение

Таким образом, исследование показало, что пищевые традиции коренных народов дальневосточного региона по-прежнему относятся к наиболее устойчивым компонентам их культуры. Важнейшее место в пищевой модели занимают рыба и мясо, что обосновано спецификой природных ресурсов и хозяйственной деятельностью. Однако устойчивость традиции подвергается воздействию трансцендентных сил. Появление новых видов пищи, естественной или обладающей магическими качествами, интегрирует человека в принципиально иную, чужую этнокультурную ситуацию. Встречаясь со сверхъестественным, индивид оказывается перед сложным выбором: принять или отклонить радикальные изменения этнической системы питания. Последующая трансформация может коснуться не только привычного набора продуктов, но и в целом – всей локальной модели питания. В случаях, зафиксированных в верованиях и фольклоре, употребление пищи, предлагаемой существами иррационального мира, приводит к потере не только этнической идентичности, но и человеческого облика. В качестве защиты используется комплекс запретов, табу, предписаний, которые сохраняются в алиментарной культуре тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов Дальнего Востока, в народной педагогике и передаются новым поколениям, укрепляя механизм антропологической и этнокультурной идентичности.

Благодарность

Работа выполнена за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00309) «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В.Н. Давыдов). Источник финансирования МАЭ РАН.

Acknowledgment

This work was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 18-18-00309) “Energy of the Arctic and Siberia: the use of resources in the context of socio-economic and environmental changes” (Primary investigator V.N. Davydov). Funding source – MAE RAS.

Список сокращений

АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион.
ДВНЦ АН СССР – Дальневосточный научный центр Академии наук СССР.
ИИАЭНДВ ДВО РАН – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии Российской академии наук.

Библиографический список

1. Арутюнов, С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России / С.А. Арутюнов // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 10–18.
2. Архив ИИАЭНДВ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. Березницкий, С.В. Этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура / С.В. Березницкий. – Владивосток, 1997. – 303 л.
3. Архив МАЭ РАН. Ф. К I. Оп. 2. Д. 2314. Березницкий, С.В. Материалы по культуре чукчей (экспедиция на территории г. Анадыря, Анадырского района Чукотского автономного округа) Амура / С.В. Березницкий. – Санкт-Петербург, 2020. – 387 л.
4. Барт, Р. К психосоциологии современного питания / Р. Барт // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. – С. 366–377.
5. Березкин, Ю.Е. F15. Пенис трикстера растёт из земли / Ю.Е. Березкин // [Электронный ресурс]. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. – URL://https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/ (дата обращения 15.01.2022).
6. Березницкий, С.В. Табуированные люди в обществе тунгусо-маньчжуров и нивхов амуро-сахалинского региона / С.В. Березницкий // Кунсткамера. – 2018. – № 2. – С. 226–235.
7. Березницкий, С.В. Традиция сыроядения в культуре питания коренных народов амуро-сахалинского региона / С.В. Березницкий // Кунсткамера. – 2021. – № 3(13). – С. 104–114.
8. Васильев, Б.А. Медвежий праздник орочей: Опыт этнографического анализа обряда и мифологии: дис. ... канд. ист. Наук / Б.А. Васильев. – М., 1946. – 120 л.
9. Васильев, Б.А. Медвежий праздник / Б.А. Васильев // Советская этнография. – 1948. – № 4. – С. 78–104.
10. Галечко, И.И. Медвежий праздник коренных народов амуро-сахалинского региона и погач индейцев северо-запада Северной Америки: фольклорно-сравнительный анализ / И.И. Галечко // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2020. – № 2 (39). – С. 102–110.
11. Золотарёв, А.М. Родовой строй и религия ульчей / А.М. Золотарёв. – Хабаровск: Дальгиз, 1939. – 205 с.
12. Иванов, Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период / Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука: Наука, 1965. – 247 с.
13. Корсунский, А.Г. Герменевтический метод: историческая ретроспектива / А.Г. Корсунский // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2019. – Т.5 (71). – № 1. – С. 40–48.
14. Леви-Стросс, К. Мифологии. Т.1. Сырое и приготовленное / К. Леви-Стросс. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – 406 с.

15. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и типологии культуры. История русской культуры / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство-СПб», 2002. – 768 с.
16. Оберхаммер, Г. Встреча как категория религиозной герменевтики / Г. Оберхаммер // Философия религии: аналитические исследования. – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 84–106.
17. Подмаскин, В.В. Народные знания тазов Приморья (XIX–XX вв.) / В.В. Подмаскин // Россия и АТР. – 2017. – № 1(95). – С. 138–156.
18. Подмаскин, В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории / В.В. Подмаскин. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 540 с.
19. Псху, Р.В. Герхард Оберхаммер и его принципы изучения религиозных текстов вишишта-адвайты / Р.В. Псху // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2012. – № 4. – С. 96–104.
20. Романова, А.П. Чужой и культурная безопасность / А.П. Романова, С.Н. Якушенков, Е.В. Хлыщева, М.С. Топчиев. – М.: РОССПЭН, 2013. – 215 с.
21. Селезнева, Т.А. Эволюция концепта «монструозность» в культуре и художественной литературе / Т.А. Селезнева // Молодой учёный. – 2017. – № 6 (140). – С. 393–397.
22. Семениченко, Л.Е. Новые данные о сельском хозяйстве бохайцев Приморья: по материалам археологических исследований / Л.Е. Семениченко, В.И. Болдин // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. – С. 66–70.
23. Топчиев, М.С. «Конфессиональный чужой»: алиментарные и вестиментарные маркеры / М.С. Топчиев // Каспийский региона: политика экономика, культура. – 2015. – № 3 (45). – С. 318–321.
24. Трубецкой, Н.С. Классификация оппозиций. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой / Пер. с нем. А.А. Холодовича. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 308 с.
25. Трубецкой, Н.С. Основы фонологии / Н.С. Трубецкой. – М.: Изд. Иностранной литературы, 1960. – 372 с.
26. Фаис-Леутская, О.Д. *К вопросу о современном состоянии антропологии питания / О.Д. Фаис-Леутская // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 2. – С. 5–16.
27. Фельде, В.Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре. дисс. ...к.ф.н. 9.00.13 – философская антропология / В.Г. Фельде. – Омск, 2015. – 20 с.
28. Ходжер, Г.Г. Найхинцы / Г.Г. Ходжер. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1985. – 304 с.
29. Berezniitsky, S.V. Transforming impact of government and private salt trade on life-supporting technologies of indigenous peoples of the Amur-Sakhalin region in the XIXth – early XXth centuries / S.V. Berezniitsky // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2020. – Т. 56. – № 2. – С. 541–548.

Текст поступил в редакцию 07.03.2022.

Принят к публикации 25.04.2022.

Опубликован 29.09.2022.

References

1. *Arhiv IIA'ENDV DVO RAN* [Archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of FEB RAS]. Fund 1. Inventory 2. File 403. Berezniitsky S.V. `Etnicheskaya istoriya i duhovnaya kul'tura korennyh narodov Nizhnego Amura [Ethnic History and Spiritual Culture of the Indigenous Peoples of the Lower Amur]. Vladivostok, 1997, 303 p. (in Russian).
2. *Arhiv MA'E RAN* [Archive of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS]. Fund K I. Inventory 2. File 2314. Berezniitsky S.V. Materialy po kul'ture chukchej ('ekspediciya na territorii g. Anadyra, Anadyrskogo rajona Chukotskogo avtonomnogo okruga) [Materials on the Culture of the Chukchi (Expedition to the Territory of Anadyr, Anadyrsky District, Chukchi Autonomous District)]. St. Petersburg, 2020, 387 p. (in Russian).
3. Arutyunov S.A. *Tradicionnaya pishcha kak vyrazhenie `etnicheskogo samosoznaniya* [Traditional Food as an Expression of Ethnic Self-Consciousness]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 10–18 (in Russian).
4. Barthes R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion System. Articles on the Semiotics of Culture]. Transl. S.N. Zenkina. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 2003, pp. 366–377 (in Russian).
5. Berezkin Yu.E., Duvakin E.N. *Tematicheskaya klassifikaciya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskij katalog* [Thematic Classification and Distribution of Folklore-Mythological Motifs in Arealas. Analytical Catalog]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed January 15, 2022) (in Russian).
6. Berezniitsky S.V. *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [The Old Years. Russian Historical Journal]. 2020, vol. 56, no. 2, pp. 541–548 (in Russian).
7. Berezniitsky S.V. *Kunstkamera*. 2018, no. 2, pp. 226–235 (in Russian).
8. Berezniitsky S.V. *Kunstkamera*. 2021, no 3 (13). pp. 104–114 (in Russian).
9. Fais-Leutskaya O.D. *Etнографическое обозрение* [Ethnographic Review]. 2019, no. 2, pp. 5–16 (in Russian).

10. Fel'de V.G. *Oppozitsiya "svoj – chuzhoj" v kul'ture* [The Opposition "Us-Them" in Culture]. Abstract of Ph.D. Thesis in History. Omsk, 2015, 20 p. (in Russian).
11. Galechko I.I. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejhema* [Bulletin of Sholem Aleichem Priamursky State University]. 2020, no. 2 (39), pp. 102–110 (in Russian).
12. Hodzher G. G. *Najhincy* [Naikhin Dwellers]. Khabarovsk: Kn. izd-vo, 1985, 304 p. (in Russian).
13. Ivanov V.V., Toporov V.N. *Slavyanskije yazykovye modeliruyuschie semioticheskie sistemy. Drevnij period* [Slavic Language Modeling Semiotic Systems. The Ancient Period]. Moscow: Nauka, 1965, 247 p. (in Russian).
14. Korsunskij A.G. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies]. 2019, vol. 5 (71), no 1, pp. 40–48 (in Russian).
15. Levi-Strauss C. *Mythologiques. Vol. 1. The Raw and the Cooked, 1964 (Russ. ed.: Levi-Strauss C. Mifologiki. T. 1. Syroe i prigotovlennoe*. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 1999, 406 p.).
16. Lotman Yu.M. *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Istorija russkoj kul'tury* [Articles on Semiotics and Typology of Culture. History of Russian Culture]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb, 2002, 768 p. (in Russian).
17. Oberhammer G. *Filosofiya religii: analiticheskie issledovaniya* [Philosophy of Religion: Analytic Studies]. 2021, vol. 5, no 1, pp. 84–106 (in Russian).
18. Podmaskin V.V. *Narodnye znaniya tunguso-man'chzhurov i nivhov: problemy `etnogeneza i `etnicheskoj istorii* [National Knowledge of the Tungus-Manchus and Nivkhs: Problems of Ethno-Genesis and Ethno-Genetic History]. Vladivostok: Dal'nauka, 2006, 540 p. (in Russian).
19. Podmaskin V.V. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region]. 2017, no. 1(95), pp. 138–156 (in Russian).
20. Pshu R.V. *Vestnik RUDN, seriya Filosofiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. 2012, no. 4, pp. 96–104 (in Russian).
21. Romanova A.P., Yakushenkov S.N., Khysheva E.V., Topchiev M.S. *Chuzhoj i kul'turnaya bezopasnost'* [Alien and Cultural Security]. Moscow: ROSSP'EN, 2013, 215 p. (in Russian).
22. Selezneva T.A. *Molodoj uchenyj* [Young Scholar]. 2017, no. 6 (140), pp. 393–397 (in Russian).
23. Semenichenko L.E., Boldin V.I. *Materialy po arheologii Dal'nego Vostoka SSSR* [Materials on the Archaeology of the Far East of the USSR]. Vladivostok: DVNC AN SSSR, 1981, pp. 66–70 (in Russian).
24. Topchiev M.S. *Kaspijskij region: politika `ekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2015, no. 3 (45), pp. 318–321 (in Russian).
25. Trubeckoj N.S. *Klassifikaciya oppozitsij. Osnovy fonologii* [Classification of Oppositions. Fundamentals of Phonology]. Transl. A.A. Kholodovich. Moscow: Aspekt Press, 2000, 308 p. (in Russian).
26. Trubeckoj N.S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of Phonology]. Moscow: Izd. Inostrannoj literatury, 1960, 372 p. (in Russian).
27. Vasil'ev B. A. *Medvezhij prazdnik orochej: Opyt `etnograficheskogo analiza obryada i mifologii* [Bear Feast of the Orochi: Experience of Ethnographic Analysis of Ritual and Mythology]. Ph.D. Thesis in History. Moscow, 1946, 120 p. (in Russian).
28. Vasil'ev B.A. *Sovetskaya `etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1948, no. 4, pp. 78–104 (in Russian).
29. Zolotarev A.M. *Rodovoj stroj i religiya ul'chej* [The Tribal System and Religion of the Ulchi]. Khabarovsk: Dal'giz, 1939, 205 p. (in Russian).

Submitted for publication: March 7, 2022.

Accepted for publication: April 25, 2022.

Published: September 29, 2022.